

*Санюкевич Л.П.***ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ МАКСА ВЕБЕРА НА СЛУЖБЕ XXI ВЕКА**

Выдающийся немецкий ученый Макс Вебер (1864-1920) прожил относительно короткую, но насыщенную в интеллектуальном отношении жизнь. Он родился 21 апреля 1864г. в Эрфурте в семье политика, который одно время служил муниципальным советником в Берлине, затем занимал скромные посты в местном и национальном парламентах. В семье часто бывали известные политики, ученые и интеллектуалы, и юный Макс становился невольным слушателем оживленных политических и интеллектуальных дискуссий, что способствовало пробуждению в нем устойчивого интереса к политике и науке [1;49].

Родители ученого были полной противоположностью друг другу. Отец, представитель среднего класса, самодовольный, любящий гедонистические удовольствия, стремился к комфортному образу жизни [2;21], [1;49]. Единственным, что по-настоящему глубоко волновало его, была политика и собственное положение в иерархии немецкой политической системы. Как в профессиональной, так и личной жизни он старался избегать серьезных проблем, закрывая глаза на страдания других и перекладывая тяготы жизни на плечи жены [3;63], [1;49]. В семье насаждал патриархальные отношения, оставляя за собой решающее слово.

В отличие от отца, поглощенного земными радостями, мать Макса была склонна к самоотречению и тяготела к религиозному мистицизму. Вся ее духовная энергия уходила на незыблемое соблюдение религиозного и семейного долга. Рассматривая каждое крупное событие как миг вечности, она с каждым днем все больше погружалась в глубины мистицизма. Такой запомнилась она жене Вебера Марианне [3;62-63], [1;49-50].

Напряженность, пронизывавшая отношения нерелигиозного, любящего удовольствия и мечтающего о служебных успехах политика и его набожной, погруженной в страдания окружающего мира жены, создавала постоянную конфликтную ситуацию в семье, спровоцировав впоследствии развитие у Макса психического заболевания. В научном же плане конфликт ценностных установок родителей (потусторонняя религиозная ориентация матери и прагматическая ориентация на успех в этом мире отца) вылился в ведущую тему творчества ученого. Как отмечает американский исследователь его наследия Джордж Ритцер, этот конфликт не только сформировал Вебера как личность, но и определил вектор его деятельности, заставив на разных этапах жизни балансировать в диаметрально противоположных направлениях [1;52].

Ранний период формирования гения больше отражал ценностные установки отца. Мальчик стремился к интеллектуальной деятельности уже с детства. Много читал. В 12 – летнем возрасте прочитал «Князя» Макиавелли, в 13 лет написал исторические эссе по германской и римской истории, в 14 лет проявил незаурядные аналитические способности, создав карту Германии 1360 года, для которой пришлось по крупицам находить материал в генеалогиях, краеведческих хрониках и энциклопедиях. Когда ему было 15 лет, развивал в своих работах философию истории и пытался выделить модели, определяющие ход исторического развития.

В возрасте 18 лет Вебер окончил гимназию и в 1882г. поступил в Гейдельбергский университет. Он решил идти по стопам отца и специализироваться в юриспруденции. Кроме права, он изучал широкий круг гуманитарных дисциплин,

особенно историю, экономику и философию.

Помимо удовлетворения интеллектуальных запросов, он также реализовывал гедонистические установки отца, вступив в студенческое братство, где вел распушенный образ жизни, стал заядлым любителем пива и дуэлянтотом. Вскоре он приобрел репутацию славного парня, который мог поглотить огромное количество алкоголя, не теряя самоконтроля. (Таковы были студенческие нравы того времени, когда мужество ассоциировалось с несметным потреблением алкоголя и шрамом, полученным на дуэли). Если учеба развивала интеллект Макса, то пирушки спровоцировали плотность телосложения. Когда мать увидела Макса – студента, тучного и со шрамом, она не удержалась от звучной пощечины, выразив свое возмущение тем, что он предпочел такой образ жизни ее набожному поведению [1;53].

В 1883г. Вебер переезжает в Страсбург для прохождения обязательной годичной службы в армии. Там он столкнулся со строгим регламентом, однообразием и бессмысленностью рутинной и бюрократизированной армейской службы, которую он назвал «огромной потерей времени, используемого для превращения мыслящих существ в машины, реагирующие на команду с механической точностью» [3;72], [1;53]. Этот протест против бюрократического управления впоследствии трансформировался в еще одну ведущую тему его творчества.

В 1885г. он возвращается в Страсбург для прохождения офицерской подготовки. Продвижение по военной лестнице способствовало формированию иного отношения к военной системе. По – прежнему рассматривая ее как «машину», он тем не менее мечтал занять в ней руководящее положение и повести роту в сражение во имя родины. В этом желании отразился патриотизм Вебера и стремление увидеть приоритет Германии в мире.

Примерно в этот период начинается переход Вебера к ценностным установкам матери. Не разделяя ее религиозных убеждений, он тем не менее стремится поклоняться высшим ценностям этого мира, подразумевая под этим родину и науку. Его сходство с матерью проявилось в созревшем в нем страстном желании всецело посвятить себя служению высокой цели.

Зимой 1885 – 1886гг. Веберу предстояло сдать экзамен на младшего барристера. Перед этим он провел один семестр в Геттингене, проявив удивительную самодисциплину и самоотречение. Он строго соблюдал график работы, разделив день на точные отрезки для занятий разными предметами, в присутствии ему манере «экономия» время тем, что готовил ужин в своей комнате – фунт рубленой сырой говядины и четыре жареных яйца. Последний час его рабочего дня предназначался для игры в скат (разновидность карточной игры) [3;105]; [1;54]. Позабыв о развлечениях, он, как бы в подражание матери, превратился в аскета.

После сдачи экзамена Вебер занял неоплачиваемую должность младшего барристера. Рутинный, канцелярский характер работы вскоре начал раздражать его, и впоследствии он с ужасом вспоминал этот период своей деятельности. Не имея средств к существованию, Вебер был вынужден вернуться домой, в атмосферу глубокого семейного конфликта.

С 1886г. с целью получения степени в области юриспруденции он начал заниматься по шестилетней программе. Написал обширную докторскую диссертацию по истории

*Санюкевич Лилия Петровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.*

права и экономики. Сразу после защиты первой диссертации Вебер принял за вторую, которая была необходима для получения должности преподавателя в немецком университете. Темой второй диссертации была аграрная история древнего Рима. Первые работы Вебера - «К истории торговых обществ в средние века» (1889), «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права» (1891; рус. пер.: «Аграрная история древнего мира» -1923г.) – сразу создали ему имя в науке. В этих работах автор методом исторического анализа блестяще обосновал взаимосвязь экономических отношений и государственно – правовых структур [4;144].

Завершая в 1892г. работу над второй диссертацией, Вебер начал читать курсы римского, немецкого и торгового права. Вскоре он получил приглашение провести исследование положения сельскохозяйственных рабочих, исследование, лежащее на стыке его интересов в области права, экономики и политики. Он разработал анкету для землевладельцев и за год написал 900 – страничный трактат о сельскохозяйственном труде. Согласно научным воззрениям того времени, его работа относилась к области политической экономии, но современная наука рассматривает ее как первый крупный прорыв в развитии социологии. Многие первые социологи начинали свои исследования в рамках политической экономии, изучающей взаимосвязь политики и экономики, особенно влияние последней на политическую структуру общества. Исследование, посвященное труду сельскохозяйственных рабочих, явно выходило за рамки юриспруденции. Вебер получил признание как политэконом и эксперт по сельскохозяйственному труду.

В 1893г. перед Вебером открылась перспектива стать профессором юриспруденции Берлинского университета. Однако его научные интересы уже начали смещаться в сторону политической экономии и социологии. В 1894г. он стал профессором политической экономии Фрайбургского университета, а в 1896г. возглавил кафедру политической экономии более престижного Гейдельбергского университета.

1897г. вызвал глубокие потрясения в жизни ученого. Старый семейный конфликт спровоцировал взрыв долго сдерживаемых эмоций, между отцом и сыном вспыхнула потасовка, и Вебер попросил отца покинуть его дом. Вскоре старик Вебер умер, и у Макса возникло чувство огромной вины. Появились симптомы нервного срыва: депрессия, тревожность, неспособность работать, бессонница. Во время поездки в Испанию он был раздражителен и беспокоен, временами его лихорадило. К началу учебного года его здоровье несколько улучшилось, он начал совершать небольшие прогулки, к нему вернулся сон. Позже краткие периоды ремиссии начали чередоваться с продолжительными периодами нервного истощения, проявлявшегося в истерии и бессоннице, омрачивших оставшиеся годы его жизни [1;56]. Врач рекомендовал Веберу провести летние месяцы в санатории, однако это не улучшило его состояния и он по-прежнему страдал от приступов бессонницы.

Осенью Вебер вернулся к преподавательским обязанностям, а через несколько недель снова возникли психологические проблемы. Лекции давались мучительно трудно, приходилось часто отменять их для возобновления сил. В 1899г. ему разрешили по его просьбе снять лекционную нагрузку и вести небольшой семинар. Его неспособность говорить была чисто физической, нервы расстроены, и как он утверждал, при одном взгляде на конспект лекций появлялось головокружение [3;239], [1;56]. После повторной неудачной попытки читать лекции Вебер подал заявление об увольнении. Однако администрация не желала расстаться с крупным ученым и отклонила его просьбу, предоставив ему длительный отпуск без содержания. Однако состояние здоровья не улучшалось. Ему было мучительно трудно читать, писать, говорить, гулять и даже спать. Все умственные и некоторые физические функции расстроились. Пик заболевания пришелся на 1900-ый год,

затем началось улучшение, протекавшее очень медленно, с частыми рецидивами болезни [1;56].

Постепенно Вебер вновь начал читать, а затем и писать. Однако чувство вины за то, что он все еще получает жалование профессора, хотя и не в силах заниматься преподавательской работой, мучило его. Он вновь подает заявление об увольнении и, вопреки своей воле, администрация была вынуждена удовлетворить его просьбу. Казалось, что его научная карьера закончилась в самом расцвете жизни.

В 1903г. Вебера вместе с Вернером Зомбартом пригласили редактировать «Архив социальной науки и социальной политики», который начал издаваться с 1904г. Хотя у Макса были сомнения относительно того, справится ли он с такой ответственной задачей, он принял предложение. Как утверждает Ритцер [1;56], это было поворотным событием в научной деятельности Вебера, так как его имя стало ассоциироваться не с правом и политической экономией, а с социальной наукой. Во вступлении к первому номеру журнала Вебер писал, что журнал будет освещать социальные явления, связанные с развитием современного капитализма, и значение последнего. Для обсуждения этой проблематики приглашались ученые, представлявшие общую политическую науку, философию права, социальную этику, социальную психологию, и исследования, объединяемые как социология [3;278], [1;57]. Предполагалось уделять внимание как эмпирическим, так и теоретическим изысканиям в области социальных наук.

В 1904г. в журнале было опубликовано эссе Вебера о методологии [5], ставшее основополагающим для ряда социальных наук. Марианна Вебер так описывала самочувствие мужа в этот период: «...конечно, его сон оставляет желать лучшего; он снова каждый вечер ест Камемберт, вынужден принимать снотворное, но он вполне доволен, что справился с этим» [3;279], [1;57]. В конце 1904г. в журнале появилась первая часть его классического исследования истории социологии – «Протестантская этика и дух капитализма» [6]. В этом труде представлена теория, доказывающая, что протестантские религиозные убеждения способствовали развитию капитализма, так как кальвинистская установка на упорный труд и отрицание роскоши вела к расширению делового предприятия. Считая успех в бизнесе признаком духовного спасения, кальвинистская доктрина оправдывала погоню за прибылью [7;127]. С этого момента в творчестве ученого все более явно прослеживается социологический аспект, что дает основания говорить о становлении его профессиональной идентичности как социолога.

В период издания первой части «Протестантской этики» пришло приглашение выступить с лекцией на научной конференции, приуроченной к открытию Всемирной выставки в Сент-Луисе. Не в силах отказаться от возможности увидеть центр капитализма, Вебер в августе 1904г. отплывает в Америку.

Манхэттен произвел на ученого неизгладимое впечатление. С одной стороны, здесь царил «дух капитализма», создавшего величественные небоскребы, а с другой – повсюду ощущалась негуманность капиталистической системы. Так, американские отели Вебер назвал «бездушными казармами для путешествующих коммивояжеров», без малейшего намека на человеческую теплоту, где можно заболеть и умереть, и никто не обратит внимания [3;281]; [1;57]. Это двойственное отношение к капитализму и современному миру стало определяющей темой его работ, созданных после нервного срыва.

В Чикаго Вебер воочию увидел насилие на трудовом фронте, преступность, расизм, интенсивность труда на бойнях и аварии на общественном транспорте, перевозившем огромные массы людей.

В американских университетах сохранились приметы религиозного духа, питавшего дух капитализма. Однако было заметно, что и дух религии, и дух капитализма переживают состояние упадка. Эти впечатления Вебера отразились во второй части «Протестантской этики», изданной в 1905г.

Успешно прочитав лекцию на Всемирной выставке, ученый попутешествовал по Соединенным Штатам и вернулся в Германию окрыленным. Именно период после 1904г. оказался наиболее плодотворным в его научной деятельности, и он создал самые значительные работы, которые не только укрепили его репутацию социолога, но и в большой мере способствовали развитию социологии в Германии и во всем мире [1;58].

Проблематика, разрабатываемая Вебером в этот период, связана с социологией религии [8], хотя он сам не был верующим. Используя научную методологию, он стремился выявить роль религии в социальных преобразованиях. С этой целью Вебер решил дополнить свое исследование протестантизма на Западе исследованиями религии, распространенной в Китае (конфуцианства и даосизма), и исследованиями индуизма и буддизма в Индии, а также другими мировыми религиями, пытаясь установить взаимосвязь между религиозной этикой и экономикой. Он хотел понять, почему протестантизм вызвало подъем капитализма на Западе, в то время как другие мировые религии, по-видимому, препятствовали его развитию. В более широком смысле Вебер считал капитализм одним из проявлений процесса рационализации. По его мнению, Запад развил не только рациональную экономику (капитализм), но и рациональную науку, политические системы, города и музыку.

Вызывает неподдельное уважение тот факт, что после 7-летнего перерыва с 1897 по 1904 год, когда научная деятельность Вебера замерла, и повторными рецидивами нервного заболевания в последующие годы, когда он был вынужден часто брать отпуск для восстановления психического равновесия, он сумел внести столь огромный вклад в науку. Широкий кругозор и огромная эрудиция позволили ученому провести сопоставительный анализ различных обществ и различных областей социального мира.

В 1909г. произошло знаменательное событие в истории социологии. Вебер вместе с Георгом Зиммелем, Вернером Зомбартом, Фердинандом Теннисом и другими учеными основали Немецкое Социологическое Общество. Его первое заседание состоялось в 1910г. Вебер участвовал во всех основных дискуссиях и сделал доклад, в котором изложил свое видение социологии и ее предмета исследования. Он выдвинул идею объективности социологии, заключающуюся в том, что как исследование, так и обучение не должны отражать личных и политических симпатий ученых и педагогов [3;422], [1;59]. Однако этот постулат не нашел поддержки у членов общества, и Вебер вскоре утратил в нем руководящее положение. Тем не менее, ему принадлежит ведущая роль в создании общества и определении перспектив его развития.

В последующее десятилетие Вебер разработал значительную часть социологии религии, с 1916 по 1919гг. издавал одну из основных своих работ «Хозяйственная этика мировых религий», преподавал в Вене и Мюнхене, во время Первой мировой войны организовывал военные госпитали, занимался германской политикой, много путешествовал и переносил периоды душевного расстройства. Он умер 14 июня 1920г., в возрасте 56 лет. Еще при жизни Вебер завоевал репутацию солидного ученого, занимавшегося юриспруденцией, политической экономией и социологией. После смерти его репутация упрочилась, и сегодня его по праву называют одним из крупнейших социологов в истории этой науки. Его труды переводят и читают во всем мире, ни один международный социологический форум или журнал не обходится без частых ссылок на его работы, которые в современной социологии признаны классическими.

Идейное наследие Макса Вебера сохраняет теоретико-методологические позиции и в XXI веке, что объясняется универсальностью его теорий, обусловивших становление ряда областей социологического знания – социологии религии, социологии культуры, социологии политики, социологии права [9;37]. Научные споры о том, что следует считать предметом современной социологии с учетом ее теоретического и прикладного аспектов, доказывают необходимость разработ-

ки современной концепции социального действия, предопределяющего типы социального строя [10;19]. Классические социологические идеи М. Вебера (он определял социологию как науку, изучающую социальное действие) вкпе с признанными трудами других классиков социологии могли бы стать основой подобной концепции.

Исходным толчком для развития современной социологической теории стала классическая идея Вебера об универсальной рационализации индустриального общества как комплекса социальных институтов, развивающихся на базе рационального капиталистического производства, использующего рациональные методы извлечения прибыли [11;56-57], [12;177-178].

Почетный профессор университета штата Нью-Йорк в г. Стони Брук С. А. Аржоманд констатировал фундаментальное значение веберовских идей о рационализме и рационализации общества и политики для развития социологии XXI века. Проанализировав социальные процессы в историческом ракурсе мирового масштаба, Вебер по существу разработал теорию массовой демократии. Веберовские принципы демократии и этики управления массовым обществом стали идейной основой развития современных демократических государств и таких крупнейших международных демократических институтов как Лига Наций и ООН [13;27], [14;326-327].

Широкий резонанс в международной социологии конца XX века получила теория «рациональной бюрократии» [15;67], разработанная Вебером на основе анализа основных тенденций индустриального общества. Ученый рассматривал бюрократию как метод организации, в основе которого лежит специализация обязанностей, действие согласно установленным правилам и устойчивый порядок властных полномочий. Модель «рациональной бюрократии» является, по мнению Вебера, идеальной формой рационально-легальной структуры государственного управления индустриальным обществом, опорой западного государства и западной экономики [11;59].

Следует напомнить, что веберовское представление о бюрократии, основывавшееся главным образом на формальном типе рациональности [11;63], подверглось критической переоценке с учетом последних достижений теории управления, но ряд положений этой модели используются в современной концепции бюрократии.

В заключение отметим, что веберовская мысль о рационализации общества способствовала появлению новых социологических идей, выдвинутых американским социологом Джорджем Ритцером [1;131-181] – концепции макдональдизации, идеи кредиткардизации и гиперрациональности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ritzer, George. Sociological beginnings: on the origins of key ideas in sociology. © 1994 Mc Graw Hill, Inc., с. 48-65.
2. Mitzman, Arthur, 1970. The Iron Cage: An Historical Interpretation of Max Weber. New York: Grosset and Dunlap.
3. Weber, Marianne, 1975: Max Weber: A Biography. Harry John (ed. & trans.) New York: Wiley.
4. История социологии: Учеб. пособие/ А.Н. Елсуков, Г.Н. Соколова, Т.Г. Румянцева, А.А. Грицанов; Под общей ред. А.Н. Елсукова и др. 2-е изд. перераб. и доп. — Мн.: Выш. шк., 1997.-381с.
5. Weber, Max. 1903-1917/1949: The Methodology of the Social Sciences./Edward Shils & Henry Finch (eds.) New York: Free Press.
6. Weber, Max. 1904-1905/1958. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. New York: Scribner.
7. The World Book Encyclopedia, vol. 21. World Book International. A Scott Fetzer. Co. © 1994. World Book Inc., с. 127.
8. Weber, Max, 1921/1963: The Sociology of Religion. Boston: Beacon Press.
9. Левко А.И. Социология и идеология: проблемы тождества и различия.// Социология: 2, 2005 июнь. – Мн, БГУ, с. 34-36.

10. Титаренко, Л.Г. Тенденции развития современной социологии. //Социология: 2, 2005 июнь. – Мн.: БГУ, с. 18-23.
11. Лугвин С.Б. Рациональность индустриального общества и модель «рациональной бюрократии» М. Вебера. //Социология: 2, 2005 июнь. – Мн.: БГУ, с. 55-63.
12. Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. ПГ., 1923. с. 177-178.
13. Романовский Н.В. Три подхода к будущему социологии. //Социология: 2, 2005 июнь. – Мн.: БГУ, с.24-33.
14. Arjomand Said Amir, Theory and The Changing World. Mass Democracy, Development, Modernization and Globalization. International Sociology. 2004. №3. P.299-353.
15. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий //Избранное. Образ общества. – М.,1994. с.67.

УДК 130.3

Варич В.Н.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ КАК УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ

Культивировавшиеся на протяжении советской истории представления о светлом будущем, ожидающем трудящихся при наступлении эры коммунизма, утратили жизненность в результате социальных трансформаций двух последних десятилетий. Постсоветское общество функционирует в настоящее время без четко выраженной исторической цели и даже без более или менее внятно сформулированных перспектив и проектов дальнейшего развития. В этих условиях трудно, если не невозможно, говорить о развитии национальной идеи и государственной идеологии. Любая идеология есть система взглядов, выражающих коренные интересы и потребности какой-либо социальной группы или общества в целом, и в качестве таковой должна иметь определенную структуру и выстраиваться в виде некоей иерархии идей, среди которых одно или несколько взаимосвязанных положений образуют ядро идеологии. Идея, отчетливо выражающая представление о конечной цели развития группы (общества), несомненно относится к числу основных положений идеологии. Поэтому ясное понимание того, что является идеалом (в смысле идеальной цели деятельности) данного общества, весьма востребовано в наши дни. Один из наиболее выдающихся представителей русской школы философии права П.И. Новгородцев писал в начале XX века следующее: «... когда мы берем современные искания в их совокупности, мы чувствуем, что в них оставлена твердая земля и не видно берега, к которому можно было бы пристать. Какая-то небывалая безграничность, переходящая порою в отсутствие перспектив, какая-то тревожная сложность, представляющаяся иногда безнадежной запутанностью – вот что прежде всего чувствуется здесь. Это именно плавание по безбрежному морю, в котором как будто негде пристать, негде бросить якоря» [1]. Данное рассуждение звучит весьма современно и по прошествии столетия, не менее актуальными представляются и размышления Новгородцева о философской и культурологической сущности общественного идеала.

Философ показывает, что общественный идеал разносторонен: он выступает как политический идеал, как социальный идеал и как философская проблема. По его словам, классическая европейская культура, которую он ограничивает периодом с конца XVIII по конец XIX века, сформировала представление о грядущем земном рае, являвшееся для нее и высшей опорой, и последней мечтой. Такие разные мыслители, как Руссо, Кант, Гегель, Конт, Спенсер и Маркс были убеждены: «что человечество, по крайней мере, в избранной своей части, приближается к заключительной и блаженной поре своего существования, 2) и что они знают то разрешительное слово, ту спасительную истину, которая приведет людей к этому высшему и последнему пределу истории» [2]. Благодаря усилиям ученых и философов XVIII-XIX веков была создана картина безусловной и прочной гармонии, к которой придет человечество хотя и в отдаленном будущем, но наверняка, так как эта гармония вытекает из самой природы, из ее неизменной закономерной необходимости: сама жизнь (а у

Маркса – общественное развитие) подготовит человечеству его будущее счастье, и тогда настанет «царство свободы».

Вера в земной рай была распространена и прежде – мечта о золотом веке, относимом или к отдаленному прошлому или к ожидаемому будущему, является одним из самых устойчивых человеческих убеждений и одним из самых устойчивых утешений. Идеальную причину такого убеждения Новгородцев видит в том, что люди надеются на грядущее торжество безусловной правды и справедливости, и показывает, что такая надежда отвечает конкретным мечтам обычного человека: «Усталые путники на жизненном пути, люди ищут отдохнуть и забыться в сладких мечтах о счастье, пережить хотя бы в воображении это блаженное состояние, где нет более ни борьбы, ни тревог, ни тягостного изнурительного труда. И несомненно, что именно эти обещания и надежды обуславливают главную притягательную силу социалистических и анархических идеалов» [3]. В период же становления буржуазного общества идея грядущей гармонии получила особенное развитие, так как органически сочеталась со всеми стремлениями и надеждами нового человека, закрепила его мирозерцание, обусловила его энтузиазм в сфере общественного создания. Она была подкреплена блестящими успехами человека в научной и практической деятельности и поэтому из смутного чаяния и легендарного предсказания превратилась в философскую теорию, подкрепленную доводами разума. Однако разочарования XIX века постепенно разрушили веру в безусловную силу различных политических средств, предлагавшихся для совершенствования общества, хотя и оставалась надежда, что когда-нибудь все же будет обнаружено новое средство, благодаря которому все частные неудачи окажутся временными и случайными. Размышляя над такими представлениями, Новгородцев показывает, что к концу XIX века стало очевидным, что потерпели крушение не временные политические средства, а утопические надежды найти безусловную форму общественного устройства: «1) *Надо отказаться от мысли найти такое разрешительное слово, которое откроет абсолютную форму жизни и укажет средства осуществления земного рая.* 2) *Надо отказаться от надежды в близком или отдаленном будущем достигнуть такой блаженной поры, которая могла бы явиться счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории*» [4]. Крушение политического идеала привело к формированию социального идеала: если политические реформы не приносят ожидаемого результата, то его надо ждать от общественного переворота, но и социальный идеал, понимаемый таким образом, оказался несостоятельным.

В своей знаменитой книге «Об общественном идеале» Новгородцев убедительно доказывает, что идея земного рая, на которой основывались новоевропейские представления о будущем человечества, противоречит одновременно и моральной философии, и научной теории. Идея достигнутого земного совершенства никак не может быть согласована с классическим пониманием морального стремления, заключающего в себе начало бесконечности. Действительно, предста-